

ВЕЛИКИЕ
МЫСЛИ ВЕЛИКИХ
ЛЮДЕЙ

ДЖОН АРМСТРОНГ

ПРАВИЛА ЖИЗНИ ОТ ФРИДРИХА НИЦШЕ

для СИЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ,
КОТОРЫЕ ХОТЯТ
НАЙТИ СВОЙ ПУТЬ
К ГАРМОНИИ
И СЧАСТЬЮ

Джон Армстронг
Правила жизни от Фридриха Ницше
Серия «Великие мысли великих людей»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11302757
Джон Армстронг. Правила жизни от Фридриха Ницше: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-80017-9

Аннотация

Фридрих Ницше – немецкий философ, филолог, композитор и поэт, создатель философского учения, которое носит неакадемичный характер и поэтому является невероятно популярным в широких кругах. Это книга для тех, кто ищет вдохновения в размышлениях одного из самых влиятельных философов эпохи. Идеи Ницше научат принимать верные решения, помогут преодолеть трудные времена и найти потерянные ориентиры. Главным в жизни философ считал ценности. В своих книгах он показывает, какими они должны быть и что нужно ценить превыше всего.

Содержание

Книги Фридриха Ницше	5
Вступление	6
1	8
2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Джон Армстронг

Правила жизни от Фридриха Ницше

*Посвящается Луке и Рафу – в надежде на то, что когда-нибудь
они найдут эти правила полезными*

John Armstrong
LIFE LESSONS FROM NIETZSCHE

Copyright © John Armstrong, 2013

Theschollof.life.com

© Новикова Т. О., перевод на русский язык, 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Книги Фридриха Ницше

- «По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего»
- «Несвоевременные размышления: Давид Штраус в роли исповедника и писателя»
- «Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов»
- «К генеалогии морали. Полемическое сочинение»
- «Несвоевременные размышления: о пользе и вреде истории для жизни»
- «Несвоевременные размышления: Рихард Вагнер в Байрейте»
- «Несвоевременные размышления: Шопенгауэр как воспитатель»
- «Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм»
- «Казус Вагнер»
- «Веселая наука»
- «Сумерки идолов, или Как философствуют молотом»
- «Утренняя заря, или Мысли о моральных предрассудках»

Вступление

Фридрих Ницше (1844–1900) был одним из самых смелых и амбициозных мыслителей XIX века. Он почувствовал, что ценности, доминирующие в современном обществе, являются препятствиями к хорошей жизни, – и начал собственную революцию, с тем чтобы все изменить. Особенно яростно он атаковал все то, что считал ханжеством, и смело менял наши ожидания: к примеру, писал о том, что жалость не всегда хороша, а одиночество полезно для человека. Он любил риск и не боялся шокировать.

Ницше родился в глубоко религиозной семье – его дед, отец и дядя были пасторами. Он прекрасно учился в школе и университете, добившись особых успехов в греческом. Репутация его в глазах преподавателей была настолько высока, что в 24 года он стал профессором классической филологии в Базельском университете.

В двадцать лет Ницше утратил веру, придя к заключению о том, что нет убедительных доказательств существования Бога. Со временем его отношение к христианству стало абсолютно враждебным. Впрочем, его раздражали практически все аспекты германской культуры в современном ему состоянии. Хотя Ницше был очень застенчив и не уверен в себе, ему было свойственно вмешиваться в жизни других людей – и помогать удовлетворять их глубинные духовные потребности.

Покончив с академической карьерой, Ницше сдружился с ярчайшим представителем германской культуры – композитором Рихардом Вагнером. Вагнер стремился изменить культурную жизнь Европы, и в душе Ницше бушевали те же чувства. Ему было тесно в тщательно продуманных жестких рамках академической жизни.

В 1870 году, когда Ницше было двадцать шесть лет, недавно объединившаяся и стремительно развивающаяся Германия одержала победу в войне с Францией. Юноша не мог участвовать в войне – он был лишь санитаром. Под стратегическим руководством Бисмарка Германия вступила в период абсолютной уверенности и коллективной гордости. Все это сильно беспокоило Ницше – его неприятие, подавленность и презрение к окружающим разбивались об очевидные материальные и политические триумфы. Трудно найти единомышленников, когда критикуешь людей, которые сами себя считают абсолютно успешными.

В 1879 году, проработав несколько лет в университете Базеля, Ницше оставил свой пост и стал жить на небольшую пенсию, выделенную университетом. Здоровье его пошатнулось. Много времени он проводил в Италии и Швейцарии. Тихо и одиноко жил в небольших городах. Ницше порвал отношения с Вагнером, увидев в своем былом наставнике симптомы духовной болезни.

Какое-то время Ницше думал о браке и семейной жизни, но отношения с женщинами заканчивались жестоким предательством. Неудовлетворенной осталась и жажда идеальной дружбы. Но он никогда не отказывался от того, чего хотел, только потому, что не мог добиться этого.

Несмотря на одиночество, Ницше всегда считал, что брак может быть прекрасен. Он был убежден, что власть и слава – это большая честь, открывающая безграничные возможности. И это несмотря на то, что ни славы, ни власти у него никогда не было! Превыше всего Ницше ценил хорошее здоровье – основной элемент счастливой жизни, но при этом сам постоянно болел. Верил в ценность жизни активной, хотя сам проводил свои годы в маленьких домиках, обложившись книгами. Он подчеркивал значимость сильных, здоровых инстинктов, которые полагал более важными, чем собственные специальные знания, полученные в результате учебы.

Ницше часто жил в одиночестве, тяжело болел, не имел денег. И все же ему удалось написать ряд книг, которые сделали его одним из отцов-основателей философии. Но совре-

менники не обратили внимания на его труды, и отсутствие интереса с их стороны глубоко уязвляло философа. И все же ему удалось «преодолеть» (один из любимых терминов Ницше) это чувство. Он не сдался, а направил невероятную энергию и силу интеллекта на разработку идей, которые на протяжении долгого времени были интересны только для него самого.

В 1889 году Ницше жил в Турине. Стояла прекрасная золотая осень. Он часто ходил в оперный театр слушать «Кармен» Бизе. И однажды увидел, как возница избивает свою лошадь. Он бросился к несчастной лошади с криком: «Я понимаю! Я понимаю!» – и потерял сознание.

Всю оставшуюся жизнь Ницше пребывал в состоянии душевной болезни. Его отправили в Германию к сестре, которую он не любил и которой не доверял. Она сделала из него «пророка» – Ницше отрастил длинную седую бороду и носил белую тогу. Элизабет вместе с мужем отредактировали книги Ницше, чтобы они соответствовали духу германского национализма и прославлению военной машины, тем самым полностью исказив намерения самого философа. Он не принимал никаких групп. Он всегда проповедовал укрепление силы и мудрости отдельной личности.

В конце августа 1900 года Ницше заболел пневмонией и умер от инсульта.

Попытавшись сделать невозможное и подвести итог собственной жизни одной фразой, Ницше сказал, что ему хотелось «переоценить все ценности». Поразительная фраза! Но что она означает?

Ницше считал, что главное в жизни – это ценности. Что вы любите? Что считаете важным? Что для вас приоритет? К чему вы относитесь серьезно, а что отбрасываете в силу незначительности? При этом важно не то, что вы говорите или в чем стараетесь себя убедить. Важны лишь поведение, привычки и выбор. Человек может говорить, что ему важна глобальная справедливость, но в повседневной жизни эта категория не занимает центрального места. Ценности должны жить бок о бок с человеком – и определять каждую сферу его существования.

Ницше считал, что люди, среди которых он жил, имели ложные ценности. Их заботили ложные факторы по ложным причинам.

Но каковы же истинные ценности? В своих книгах Ницше дает нам множество уроков, показывая, какими они должны быть и что нужно ценить превыше всего. Другими словами, он дает нам урок жизни.

1

Как обрести себя

Иногда мы страшно не нравимся сами себе. Мы стремимся стать лучше, но не до конца уверены в том, что это значит.

Ницше всегда с симпатией относился к подобным стремлениям. Он не упрекает нас ни за то, что мы считаем плюсы своей жизни и всегда помним, что она могла сложиться гораздо хуже, ни за то, что порой кажемся себе настоящими счастливыми и с оптимизмом смотрим в будущее. Он всего лишь советует поинтересоваться тем, что происходит, когда мы не удовлетворены собой. Именно это кажется ему признаком психологического здоровья. Он хочет, чтобы мы научились понимать эту неудовлетворенность, относиться к ней серьезно – и что-то делать в этой связи.

Как же мы можем стать лучше? Первые шаги могут быть следующими: зарабатывать больше денег, добиваться высоких результатов, найти любимую работу, переехать в хороший дом, найти выход из не приносящих удовлетворения отношений, завести новых друзей, получить ученую степень. Это очень хорошие цели, но они носят внешний характер и связаны с определенными действиями. А что можно сделать с самим собой – с тем, кто мы есть на самом деле? И почему мы над этим не задумываемся? Почему не становимся теми, кем хотим стать? Может быть, мы слишком ленивы?

Этот вопрос Ницше задает в статье «Шопенгауэр как воспитатель».

«Путешественника, который побывал в разных странах, спросили, какое качество свойственно людям во всем мире. Он ответил: «Все люди склонны к лени». Многие полагают, что правильнее было бы сказать: «Все люди боятся». Они прячутся за «манеры» и «мнения».

В сущности, каждый человек знает, что он уникален, что подобный ему может появиться на этой земле всего лишь раз. Никакой редчайший случай не сможет во второй раз объединить это поразительное и чудесное разнообразие, которым является он сам.

Человек знает это, но скрывает, как какую-то постыдную тайну. Почему? Из страха перед соседом, который ищет лишь традиционных условностей и сам прячется за них.

Но что же заставляет человека бояться соседа, мыслить и действовать стадно и не искать собственной радости?

В очень редких случаях – скромность. Но чаще всего – это инертность, привычка к легкости и простоте. Другими словами, это та самая «склонность к лени», о которой говорил путешественник. Он был прав: люди больше ленивы, чем боязливы. Их главный страх – это трудности, с которыми связана бескомпромиссная честность и обнаженность слов и действий.

Только художники ненавидят это ленивое скитание в позаимствованных у других манерах и ложных мнениях. Они раскрывают эту постыдную тайну нечистой совести: скрытую истину, заключающуюся в том, что каждый человек – это уникальное чудо.

Художники показывают нам человека, каков он есть, в каждом малом движении его мышц. И более того, аналитически отталкиваясь от его индивидуальности, они показывают человека как прекрасный и интересный объект: новое, невероятное явление (как всякое творение природы), которое никогда не станет скучным.

Если великий мыслитель презирает людей, то только в силу их лени. Они кажутся ему осколками и мелочами, не достойными общения.

Человеку, который не хочет оставаться в общей массе, достаточно только перестать «стремиться к легкости». Он должен последовать голосу своей совести, который буквально кричит: «Будь самим собой! То, как ты ведешь себя, что думаешь и чего желаешь прямо сейчас, – это не ты!».

Каждая юная душа днем и ночью слышит этот крик и трепещет от него. Душа чувствует ту долю счастья, которая суждена ей вечностью – если только она сумеет его достичь. Но невозможно обрести истинное счастье, пока душа скована цепями Предвзятости и Страх.

И сколь безутешной и бессмысленной становится жизнь без этого освобождения! В природе нет более одинокого и никому не нужного существа, чем человек, который оторвался от своего истинного гения и просто бесцельно слоняется по жизни.

Не стоит нападать на такого человека или даже критиковать его. Он подобен пустой скорлупе без ядра, раскрашенной и сгнившей ткани, привидению-пугалу, не способному внушить ни страха, ни жалости.

Ленивец «убивает время». Но эпоха, которая ищет спасения в общественном мнении – то есть в личной лени, – действительно должна быть «убита» – раз и навсегда.

Я хочу сказать, что эпоха эта будет вычеркнута из истинной Истории Освобождения жизни. Будущие поколения испытают глубочайшее отвращение, изучая период, в котором власть находилась в руках неких подобий людей, проецируемых на экран общественного мнения. Поэтому потомкам наша эпоха может показаться самой темной и самой неизвестной страницей истории – и самой нечеловечной.

Я шел по новым улицам наших городов и думал, как через сто лет и следа не останется от всех этих ужасных домов, возведенных этими людьми с их общественным мнением. И мнения этих каменщиков рухнут вместе с этими домами.

Но сколько же надежд должен питать тот, кто не чувствует себя гражданином этой эпохи! Если бы он был гражданином, то вынужден был бы служить делу «убийства своего времени» и должен был бы – как гражданин – исчезнуть вместе с ним. Но тот, кто не чувствует себя гражданином этой эпохи, может, наоборот, вдохнуть вовремя новую, лучшую жизнь и сам жить этой жизнью.

Но даже если будущее не сулит нам никакой надежды, то сам прекрасный факт нашего существования в настоящий момент времени сильнее всего поощряет нас жить по собственным меркам и правилам. Необъяснимо, что мы должны жить только сегодня, хотя могли бы существовать в бесконечном времени.

У нас нет ничего, кроме малого отрезка («сегодня») этой бесконечности. Мы должны понять, зачем существуем. Мы должны дать себе отчет в собственном бытии и стать истинными кормчими своего существования и не допустить, чтобы оно было случайным или бессмысленным.

Человек должен смело, бесстрашно решать загадку [жизни]; особенно потому, что, как бы ни обернулись события, он все равно ее потеряет.

Зачем быть привязанным к своему клочку земли, своему занятию? К чему прислушиваться к тому, что говорит сосед? Какой провинциализм – подчиняться взглядам, которые за пару сотен миль от нас уже необязательны. Восток и запад – это лишь черты, которые кто-то проводит, чтобы одурачить таких трусов, как мы. «Я попытаюсь достичь свободы», – говорит юная душа. Но она не добьется этого только потому, что две нации ненавидят друг друга и воюют между собой, потому что две части света разделены океаном, потому что в мире господствует религия, которой две тысячи лет назад вовсе не существовало. «Это не я», – говорит душа. Никто не может построить мост, по которому ты должен перейти реку жизни – только ты сам. Да, есть бесчисленные тропы, мосты и полубоги, которые с радостью возьмут на себя эту задачу, но для этого тебе придется поступиться собственным «я». Придется отдать «я» в залог, а потом потерять безвозвратно.

«Есть только один путь, по которому не может пройти никто, кроме тебя. Не спрашивай, куда он ведет. Иди вперед. Кто изрек эту истину: «Человек никогда не поднимается выше, чем в те моменты, когда он не знает, куда приведет его путь»?»

Как же мы можем снова «обрести себя»? Как человеку «познать себя»? Он есть существо темное и туманное. Если у зайца есть семь шкур, то человек может сбросить с себя семьдесят семь кож и все еще не будет способен сказать: «Вот он, истинный я, больше нет оболочек».

И такое копание в собственном «я», такое прямое и насильственное нисхождение в пучину собственного бытия есть процесс сложный и опасный. Вы с легкостью можете причинить себе такой вред, что ни один врач не исцелит вас. А главное в следующем: зачем все это, если все свидетельствует о нашей сути – наша дружба и вражда, наш взгляд и приветствие, наша память и забывчивость, наши книги и письма?

Вот наилучший способ: пусть взрослеющая душа взглянет на жизнь, задавшись вопросом: «Что я по-настоящему люблю? Что влечет меня вверх? Что владеет мной и дает мне счастье?»

Поставь перед собой то, что ты считаешь. Может быть, само существование и порядок этого откроет тебе закон – основополагающий закон твоего собственного «я».

Сравни все это. Подумай, как каждый из этих предметов дополняет, расширяет и возвышает другой, как они образуют лестницу, по которой ты постоянно карабкаешься, чтобы обрести свое истинное «я».

Твое истинное «я» скрывается не в глубинах твоей души, но парит на бесконечной высоте над тобой – или, по крайней мере, над тем, что ты обычно считаешь собой».

«Несвоевременные размышления: Шопенгауэр как воспитатель», 1874

Подводя итог, Ницше дает определение воспитания:

«Истинное воспитание – это освобождение. Оно выпалывает все сорняки, выметает весь мусор и червей, которые нападают на нежные побеги растения. Истинное воспитание – это свет, тепло и нежный дождь».

«Несвоевременные размышления: Шопенгауэр как воспитатель», 1874

Как же нам найти то, что находится «неизмеримо высоко» над собою? Один из способов – изучать жизнь тех, кем мы восхищаемся. Такие люди в некотором роде представляют собой тех, кем мы хотим стать. Мы восхищаемся не только их великими достижениями –

как у великих спортсменов, известных исследователей или успешных предпринимателей. Нас восхищает образ их бытия, их отношение к жизни. Это привлекает и увлекает нас – и способствует нашему развитию.

Наибольшее впечатление на Ницше производил великий немецкий поэт (а еще и драматург, государственный деятель, путешественник, любовник, коллекционер, дипломат, писатель...) Гете:

«Гете – явление не германское, но европейское: грандиозная попытка преодолеть восемнадцатый век [собственную эпоху Гете] через возвращение к природе, через восхождение к естественности Ренессанса. Это попытка самопреодоления самой эпохи. – Он носил в себе сильнейшие ее инстинкты: сентиментальность, идолизацию природы, антиисторическое, идеалистическое, нереальное и революционное (последнее есть лишь форма нереального). Он призывал на помощь историю, естественные науки, античность, равно и Спинозу, прежде всего практическую деятельность; он окружил себя замкнутыми горизонтами; он не освобождался от жизни, но входил в нее; ничто не могло напугать его, и он брал, сколько возможно, на себя, сверх себя, в себя. К чему он стремился, так это к цельности; он боролся с рознью разума, чувственности, чувства, воли... он дисциплинировал себя в нечто цельное, он создал себя...

...Гете создал сильного, высокообразованного, во всех отношениях физически ловкого, держащего самого себя в узде и почитающего самого себя человека, который может отважиться разрешить себе всю полноту и все богатство естественности, который достаточно силен для этой свободы; человека обладающего терпимостью, не из слабости, а из силы, так как он умеет использовать к своей пользе даже то, от чего погибла бы средняя натура; человека, для которого нет более ничего запретного, кроме слабости, называется ли она пороком или добродетелью...

Такой освобожденный дух с радостным и доверчивым фатализмом пребывает среди Вселенной, веруя, что отвергать следует лишь индивидуальное, а все остальное искупается и утверждается, – он не отрицает более...»

«Сумерки идолов, или Как философствуют молотом», 1889

Человек, которым вы восхищаетесь, стоит «выше» вас – и вызывает восхищение, а порой и зависть.

Ницше не просто смотрит на своего героя с безмолвным восхищением и преклонением. Он хочет постичь тайну Гете. Он хочет понять, как этот замечательный человек стал именно таким. И в этом заключен самый важный вопрос: как добиться впечатляющих достижений? Недостаточно просто смотреть. Мы сами хотим стать достойными восхищения.

«Поклонение гению из тщеславия. Так как мы высокого мнения о самих себе, но вовсе не ожидаем, что могли бы написать хотя бы подготовительный эскиз к картине Рафаэля или сцену, подобную сценам из драмы Шекспира, то мы убеждаем себя, что способность к этому есть нечто необыкновенное и прекрасное, нечто совершенно исключительное, или, если мы религиозны, некая высшая благодать. Так наше тщеславие и себялюбие развивает поклонение гению. И поклонение это не причиняет боли только в том случае, если мы воспринимаем его чем-то далеким, недостижимым, как чудо (даже Гете, которому чужда была зависть, назвал

Шекспира своей «звездой далекой высоты»; причем можно вспомнить о стихе: «die Sterne, die begehrt man nicht»).

Но если оставить в стороне эти измышления нашего тщеславия, то деятельность гения не будет существенно отличаться от деятельности механика-изобретателя, астронома, историка или мастера тактики. Все эти занятия можно объяснить, если представить людей, мышление которых направлено в одну сторону; которые употребляют все как материал; которые постоянно внимательно изучают свою внутреннюю жизнь и жизнь других людей; которые везде видят образцы для подражания и стимулы для разума; которые неустанно сочетают и используют эти средства.

Гений действует точно так же. Он сначала учится класть камни, потом строить из них; он всегда ищет материал и постоянно обрабатывает его. Каждая человеческая деятельность поразительно сложна, а не только деятельность гения; но никакая деятельность не есть «чудо».

Откуда же тогда берется убеждение в том, что только художник, оратор или философ обладают гением? Что только у них есть «интуиция» (в силу чего им приписываются некие волшебные очки, с помощью которых они смотрят прямо в «суть» вещей)? Очевидно, что люди говорят о гении только там, где действия мощного интеллекта для них наиболее приемлемы, и где, с другой стороны, им не хочется испытывать зависть. Назвать кого-нибудь «божественным» – все равно что сказать: «В этом нам не нужно состязаться». Более того: все полное и совершенное вызывает восхищение, а то, что еще только делается, недооценивается. Глядя на произведение искусства, никто не может увидеть того, как оно создавалось; и в этом его преимущество, так как наблюдение за процессом создания охлаждает восторг».

«Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов», 1878

Но «охлаждение» – это хорошо, поскольку оно приближает нас к ощущению, что мы тоже в состоянии стремиться к величию, но вовсе не посредством некоего великого достижения, как нам казалось раньше, а сосредоточением всех усилий, повышением уровня мастерства, постепенным накоплением полезных знаний, отделением зерен от плевел, практикой и неустанным повторением.

Как это ни парадоксально, Ницше предостерегал: подобное понимание опасно и неприятно. Если величия можно достичь, то мы должны за него бороться. Великие дела перестают быть «божественными», перестают быть недостижимо далекими.

По сути, Ницше говорит нам следующее: все, чего мы мечтаем добиться и достичь (какими хотим стать), вполне достижимо и возможно. Но путь к достижению каждой такой цели не прост. На этом пути нас ждут страдания, недовольство самими собой, разочарования, зависть и подавленность. Ницше говорит, что все хорошее рождается только через боль. Нельзя рассчитывать на случайную удачу. Глядя со стороны на тех, кем восхищаемся, то есть на успешных людей, мы видим, чего можно добиться. Но при этом редко доводится наблюдать весь путь, который приводит к желанной цели. Мы не знаем о бессонных ночах, страхах, неуверенности. Но подобное знание удивительным образом утешительно. Оно помогает нам понять, что страдание – это вовсе не признак неспособности стать лучше, а неотъемлемая часть процесса становления такими, какими мы хотим – и должны! – быть.

2

Как использовать возможности

Жизнь показывает нам множество великолепных, интереснейших вещей. Можно, к примеру, поехать к пирамидам (или пойти играть, или оказаться за столом рядом с интересным собеседником, или прочесть биографию...)

Но часто подобный опыт этот не оставляет прочного и долгого воспоминания. Нам приятно, но событие не меняет нас, не оставляет глубокого и прочного следа. Обычно нас это не тревожит – таково привычное течение жизни. Но, возможно, следует об этом задуматься. Ницше советует очень серьезно относиться к таким возможностям. Он считает, что мы не получаем от них пользы, потому что не задаем важнейшего вопроса: для чего нам этот опыт? Чего мы хотим от него? Какое влияние он должен оказать на нашу жизнь?

Ницше рассматривает историю и спрашивает: для чего нам эта наука? Такой вопрос может показаться странным. Обычно мы не задаемся подобными вопросами относительно таких великих категорий, как история. Как правило, они предназначаются для самых простых ситуаций – мы смотрим на приборную панель новой машины и думаем: «А для чего эта кнопка?».

«Тот факт, что жизнь нуждается в услугах истории, должен быть понят так же ясно, как и то, что избыток истории вредит жизни; и это будет доказано далее.

История необходима живущему человеку в трех аспектах: для действий и борьбы, для сохранения и почитания, для страданий и жажды освобождения.

Этой тройственности соответствует тройственность родов истории (насколько их можно различать). Можно выделить монументальный, антикварный и критический род истории.

История необходима прежде всего человеку деятельному и сильному, кто ведет великую борьбу и нуждается в примерах, учителях и утешителях; он не может найти таких среди своих современников. Так необходима была история поэту, философу и драматургу Шиллеру; наше время, по словам Гете, так плохо, что поэт не находит в окружающих его людях нужной ему натуры. Греческий историк Полибий мыслил именно об активных людях, когда называл политическую историю подлинной школой подготовки к управлению государством: это великий учитель, который помогает нам мужественно переносить удары судьбы, напоминая о том, что перенесли другие люди. Кто научился видеть смысл истории именно в этом, тому отвратительно видеть, как любопытные туристы или педантичные микрологи карабкаются по великим пирамидам античности. Он не хочет видеть ленивого туриста, который фланирует по картинной галерее прошлого в поисках новых развлечений или сенсаций, тогда как он сам ищет там совета и поддержки. Чтобы не раздражаться на слабых и безнадёжных бездельников и тех, чья деятельность абсолютно невротична, он оглядывается назад и прерывает движение к поставленной цели, чтобы перевести дух. Цель его – счастье, собственное или счастье целого народа, или даже всего человечества. Ему чужд покой, и историю он использует как оружие против покоя. Чаще всего он не надеется ни на какую награду, кроме славы, т. е. права на почетное место в храме истории, где он, в свою

очередь, может стать утешителем и учителем следующих поколений. Ибо его заповедь гласит: то, что однажды помогло развернуть и наполнить еще более прекрасным содержанием понятие «человек», то должно быть сохранено навеки, чтобы вечно выполнять это назначение.

Великие моменты в борьбе личностей за обогащение природы человечества образуют одну цепь, и цепь эта – высокая дорога, ведущая человечество через века, что для меня вершина подобного давно минувшего момента сохраняется во всей своей живости, яркости и величии, – в этом именно и находит свое выражение основная мысль той веры в человечество, которая вызывает требование «монументальной истории».

Но именно вокруг требования, чтобы великое было вечным, и разгорается самая жестокая борьба. Потому что все живущее громко протестует против этого. «Прочь монументы!» – вот главный лозунг. Тупые обычаи заполняют все уголки мира своей бессмысленностью и окутывают густым туманом все великое, становятся на пути к бессмертию, ослепляя и удушая все великое. И путь этот проходит через мозг людей! Через головы больных и недолговечных животных, которые поднимаются на поверхность, чтобы сделать вдох, и с трудом поддерживают некоторое время свое существование. Больше всего они хотят одного: жить во что бы то ни стало. Кто мог бы предположить, что между ними происходит то упорное состязание в беге с факелами, устраиваемое «монументальной историей», которым только и может жить дальше великое? И все-таки всегда появляются люди, которые обретают силу и счастье, оглядываясь на прошлое величие, словно человеческая жизнь – это нечто прекрасное и божественное; а самым дивным плодом этого горького древа является сознание, что некогда люди, совершая круг своего существования, кто – гордо и мощно, кто – глубокомысленно, кто – полный сострадания и готовности помочь другим, – все завещали потомству одно учение: наиболее прекрасна жизнь того, кто не думает о сиюминутных радостях жизни. Обыкновенный человек относится к отведенному ему сроку существования с алчностью и трагической страстностью, но те, кто устремлен к монументальной истории и бессмертию, умеют приветствовать жизнь с олимпийским смехом или, по крайней мере, со снисходительным презрением; они нередко сходили в могилу с иронической улыбкой, ибо, в самом деле, что могло быть в них похоронено? Только то, что они всегда считали пылью, тщетой и грязью, что осуждено теперь на забвение, будучи уже давно заклеено их собственным презрением.

Но одно будет жить – это монограмма их сокровеннейшего существа, редкие проблески их вдохновения, их творения; это будет жить, ибо ни одно из будущих поколений не может обойтись без этого. В этой духовной форме слава является все-таки чем-то большим, чем «сладчайшим лакомством нашего эгоизма», как ее называл Шопенгауэр. Это вера в единство и непрерывность великого всех эпох, это протест против постоянной смены поколений и изменчивости вещей.

Чем же может быть полезно современному человеку «монументальное» воззрение на прошлое, изучение всего классического и редкого? Пониманием того, что великое существовало, то есть было возможно. И поэтому оно может стать возможным вновь. Он совершает свой

путь с большим мужеством, ибо теперь сомнения в осуществимости его желаний, овладевающие им в минуты слабости, лишаются всякой почвы.

Предположим, что кто-нибудь поверил, что для полного искоренения современной германской моды на образованность достаточно сотни продуктивных, воспитанных в новом духе и деятельных людей; как сильно поддержит его то, что культура эпохи Возрождения была вынесена на плечах точно такой же сотни.

И все-таки, если мы действительно хотим чему-то научиться на этом примере, сравнение это невероятно расплывчато и неустойчиво! Если мы будем черпать силы в этом сравнении, то многими различиями придется пренебречь, индивидуальность прошлого придется втиснуть в общую форму и во имя полного соответствия обломать все ее острые углы и линии!

...До тех пор пока душа истории будет заключаться в великом импульсе, который она дает мощному духу, пока прошлое будет восприниматься как нечто достойное подражания, до тех пор истории грозит опасность определенного искажения, приукрашивания и сближения со свободным вымыслом. Были эпохи, которые не могли провести границу между монументальным прошлым и вымыслом мифического характера; поскольку как из того, так и из другого мира могут быть извлечены одинаковые стимулы. Если такой монументальный метод изображения прошлого господствует над остальными, т. е. над антикварным и критическим, то от этого страдает само прошлое».

«Несвоевременные размышления: о пользе и вреде истории для жизни», 1874

Основной вопрос заключается в том, что нам необходимо в пережитом опыте. Что мы пытаемся сделать с ним? Ницше – великий борец со случайностью.

Конечно, наши цели не могут быть постоянно невероятно возвышенными. Просто нужно четко представлять, чего мы хотим. Ницше заставляет понять, насколько часто мы бесцельно дрейфуем вокруг важного и ценного, просто не задумываясь об этом. Не используем великое, чтобы изменить свою жизнь, найти вдохновение или утешение. Мы считаем это великое интересным – и даже не представляем, ЧТО с его помощью можем открыть в самих себе.

«Итак, история, во вторую очередь, принадлежит тому, кто охраняет и почитает прошлое, кто с любовью и доверием оглядывается на истоки своего существования; и этим он проявляет благодарность жизни. Он заботливо стремится сохранить все, что дошло до наших дней из прошлого, и воспроизвести условия собственного существования для тех, кто придет за ним. Домашняя обстановка предков обретает особый смысл в его душе: если предки владели ею, то теперь она сама владеет этой душой. Все мелкое, ограниченное, подгнившее и устаревшее приобретает ценность и право на неприкосновенность, так как консервативная душа антикварного человека переселяется в эти вещи и превращает их в тайное гнездо. История родного города становится его собственной историей; он смотрит на стены, надвратные башни, ратушу, рыночную площадь – и видит в них яркий дневник своей юности; во всем этом он видит себя – свою силу, предприимчивость, желания, здравый смысл, радости и причуды. «Здесь можно было жить, – говорит он, – и можно жить сейчас – можно тут будет жить и в будущем; мы достаточно упорны и нас так просто с ног не собьешь». При помощи этого «мы» он поднимается над великолепной индивидуальной

жизнью прошлого и олицетворяет себя с духом своего дома, рода и города. За чередой туманных и непростых столетий приветствует душу своего народа, как свою собственную...

Но величайшая ценность этого антикварного духа почтения заключается в простых эмоциях наслаждения и созерцания, которыми он наделяет скромные, суровые и даже убогие обстоятельства жизни нации или отдельного человека: знаменитый историк Нибур сознается в том, что он прекрасно себя чувствовал бы на болотах среди свободных крестьян со своей историей и вовсе не испытывал бы жажды искусства. Как же лучше могла бы история служить жизни, как не тем, что она привязывает даже менее одаренных людей к их родине и обычаям предков, удерживает их от стремления искать людей жизни где-то вдалеке, где найдут они только борьбу и страдания? Влияние это привязывает людей к тому же обществу и обстоятельствам жизни, к повседневным лишениям, к суровым скалам. И это может показаться эгоистичным и неразумным. Но это здоровое неразумие, идущее на пользу общества. Это ясно каждому, кто осознает ужасные последствия бездумного желания к переселению и приключениям – порой у целых народов. Это ясно каждому, кто наблюдал судьбу народа, потерявшего уверенность в своем прошлом, поддавшегося неумолимому космополитизму и неумолимому желанию новизны. Ощущение дерева, пустившего прочные корни, счастье от осознания того, что существование человека – процесс не случайный и произвольный, но наследие, плод и цвет прошлого, которое не просто оправдывает, но венчает настоящее, – вот что сегодня мы предпочитаем называть истинным историческим чувством.

Но в этом подходе всегда сохраняется опасность того, что все произошедшее в прошлом будет считаться равно достойным почтения, а все, что противоречит духу почитания прошлого, то есть дух нового, станет отвергаться и восприниматься как нечто враждебное. Даже греки мирились с существованием архаичного стиля в скульптуре наряду с более свободным и грандиозным; впоследствии они не только мирились с острыми носами и ледяной улыбкой, но даже считали их истинным каноном стиля. Когда чувства народа делаются настолько грубыми; когда история служит прошлому в ущерб дальнейшей более высокой жизни; когда историческое чувство не сохраняет, а мумифицирует жизнь – тогда дерево умирает, умирает неестественно, начиная от верхушки, и, в конце концов, погибают и сами корни.

Сама антикварная история вырождается, когда перестает одухотворять и одушевлять живую современную жизнь. Источник благоговения иссякает, а без него выученная привычка самодовольно вращается вокруг собственного центра. И нам открывается отвратительное зрелище слепой страсти к собиранию пыльных и заплесневелых фактов прошлого. Человек дышит атмосферой затхлости; антикварная привычка может погубить даже значительный талант, истинно духовную потребность и низвести ее до уровня ненасытного любопытства ко всему старому: часто человек падает так низко, что удовлетворяется любой пищей и жадно подхватывает все те крошки, которые падают с библиографических столов».

«Несвоевременные размышления: О пользе и вреде истории для жизни», 1874

Опасность здесь заключается в том, что хотя почтительность может и отступить, научность восприятия, то есть сосредоточенность на мельчайших деталях, сохранится – и тогда наши усилия не послужат реальной, живой цели. Такой подход не сделает нас ни крупнее, ни сильнее. Он – это бегство от жизни, это занятие, которое отвлекает нас от того, что для нас по-настоящему важно, чего мы хотим и в чем нуждаемся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.